

Подлежащее – камень. Вода не течёт.
 Подлежащий осмотру багаж знаний
 Улетел другим рейсом. Его влечёт
 Мимо знаков вниманий и препинаний.

Ненаписанным словом горчит тетрадь,
 Не-сказуемым – чтобы сказать не всуе.
 Изречённая мысль не польётся вспять:
 То, что названо именем, существует.

Ты закрыт на замок белизны листа,
 Бесконечной боязни её нарушить,
 Передать, не испачкав, из уст в уста
 Поцелуи, песни, сомненья, душу.

Как на лезвии страха стоять и петь,
 Ждать, что кто-то важный тебя оценит?
 Как кричать, когда ты один в толпе?
 Как молчать, когда ты один на сцене?..

Рыбы-цеппелины

На небе клочья нестерильной
 Воды, примятой облаками.
 В ней бродят рыбы-цеппелины,
 Разводят тучи плавниками.

В бетонных сумерках тягучих
 Плывут, тяжёлые, как люстры.
 Под чешуёю их скрипучей –
 Недоразделанные чувства.

Не подаёшь руки и вида
В опасной тьме земного сада.
Недопрощённая обида.
Недоразумная досада.

Их жабры ржавые скрежещут,
В пустых просветах бьются токи,
И каждому своё не легче,
Чем Босху – Босхово в итоге.

В асфальт и грязь, в хулу и ересь
Они плывут над головами
На абордаж. На свет. На нерест.
И разрождаются
словами.

Резонанс

Мир падёт, но не сразу. Может его сдержать,
Кто глядит вполглаза, режется вполножа,
Чистит зубы волку, прежде чем лезет в пасть,
Стелет всюду соломку, чтоб на нее упасть.
Я боюсь надоесть, смущённо иду ко дну.
Я боюсь, надо есть сгущённую тишину,
Бесполезным голосом не сотрясать миры.
Перерезать волосы, сумрачные вихры.
С неба солнце жалит, скалится вниз на нас.
С неба новой скрижалью свалится резонанс.

Стеклянный шар

Прозрачен мир, стеклянный шар, заполненный водою.
Блестит макет, фальшив напев, нелеп стеклянный смех.
Невечны лёд, и кровь, и пот, и кров над головою,
Людская молвь, и конский топ, и пластиковый снег.

Я маленький стеклянный принц/амфибия/наяда.
На шее режут щели жабр, поддерживая жизнь.
Внутри меня стеклянный шприц, и капельками яда
Он по секундам время в мой вливает организм.

Мой маленький стеклянный дом от всех ветров запаян.
Сквозит дыра, и жизнь – икра, и смерть – всему назло.
Швырнут об пол – мельчайший скол фатален и фрактален,
И остаётся дёрнуть шнур и выдавить стекло.

Неправило

Мог бы плыть правильно под золотой звездой –
Не искрит кабель, но ток по нему ползёт –
Ты не стал бы Каином, рухнувшим в кайнозой,
Ты не пал бы Авелем в глохнущий чернозём.

Плечи режет древко: неси свой линияльый флаг.
Ветер держит крепко, но дышитесь невзатыг.
Приручѣнный Цербер ты: зубы не те, что встарь.
Посеревший селебрити, выдохшийся вискарь.

Заслонит ли от смерти ровной дороги щит?
Симметрично чертишь тщетное тленье дней,
Но фальшивая нота честнее порой звучит,
И иная музыка просится вслед за ней.

Не просить помощи, не занимать долги,
Не жевать эту жизнь, из которой ушёл весь вкус,
А вцепиться в поручни полночи – и к другим,
Неизвестным звѣздам держать свой неверный курс.

* * *

Настоявшись полынною полночью
На ветру,
на спирту настоящего,
Наглотавшись подлунною горечью
Безголосого мира неспящего,

Мы настоль далеки от насущного,
Что не видим обыденной косности,
И сознания стены несущие
Рассыпаются в собственном космосе.

В нереальности происходящего
Странно слышать звучание имени
Своего же, по снегу звенящего:
Я тебя понимаю.
А ты меня?

Булавка

Л. Х.

Полоски по небу горят,
Полозья рейсов.
Погода шепчет втихаря:
Пройдись, развейся.

Развейся – словно ты костёр
Над ночью синей,
Как будто не вросло с тех пор
В ладони линий,
Как будто не рассыпал страх
Полѣтных перьев.
Развейся – будто белый флаг
Над синей дверью,
Где жизнь толкала под бока,
Легка, упруга,
И не смотрели мы в закат,
Ища друг друга.

Скребёт под ложечкой тоска,
Скрипит под лавкой.
Сердечка рваные бока
Скрепи булавкой.
Развейся – словно пыль и прах,
На Божью милость.
Мы сэкономили на швах.
Так получилось.

Витилиго

Как близко не принять, когда уже
И так безмерно близко расположен.
Ты витилиго на моей душе,
Как белое пятно на карте кожи.
Заветная приметная черта,
Всем видимая – разве тут укроешь?
Незримо уязвимая пята,
Ранение озонового слоя.

Я допускаю эту слабину
И не ищу ключа, что был украден.
Я запускаю сердце в глубину,
Одно.
На дно.
Между ключичных впадин.
И бьётся там его большой плавник,
И запускает тремоло вибраций.

Ты целый неоткрытый материк,
К которому так хочется добраться.

* * *

Подуй на лампу – вспыхнет электричество,
Бенгальским одуванчиком треща:
Откроется безмерное количество
Чудных теней, привязанных к вещам.
Топорщась, словно крылья насекомого,
Так судорожно скачут по стенам,
И кажется, что у всего знакомого
Есть тёмная, чужая сторона,
И свет в окне не затмевает ужаса,
Ползущего среди сырой травы.

Ночные мотыльки бездумно кружатся
Вокруг твоей бездонной головы.